

Рис. 3. Плюсневые кости лошади

Рис. 4. Пястные кости лошади

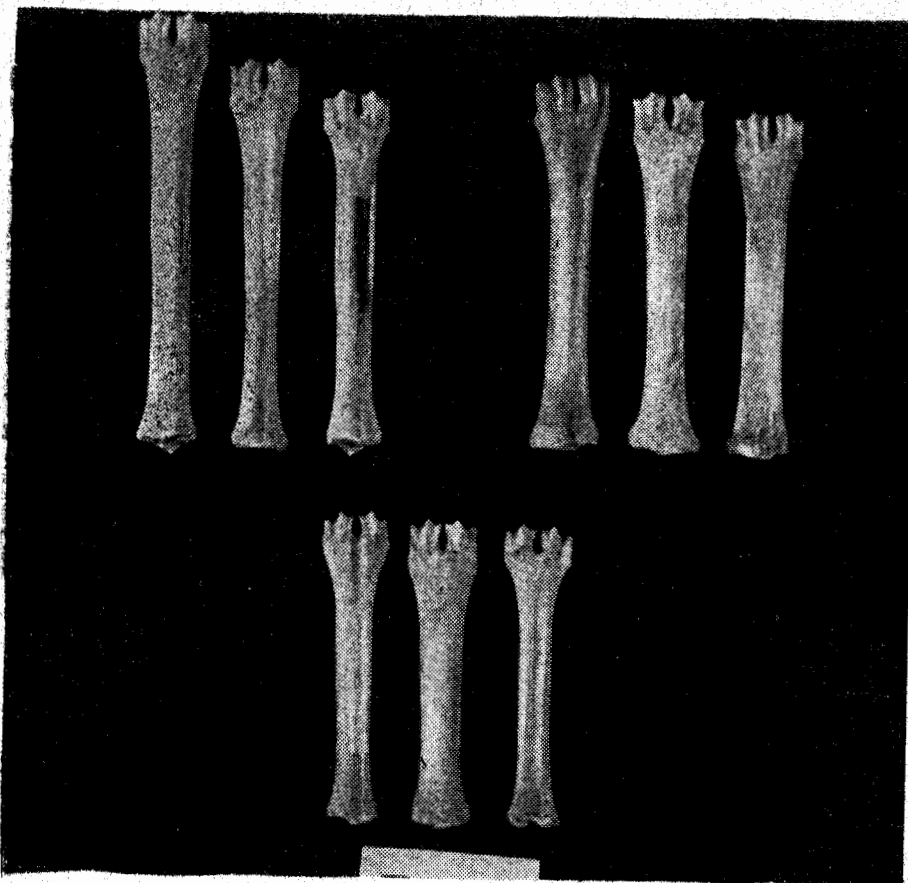

Рис. 5. Наверху — плюсневые и пястные кости овец, внизу — плюски и пятаки коз

Таблица 10

Признак	Благородный олень	Кабан	Заяц	Лисица
Ширина суставного блока плечевой кости, мм	65,5	49	14	20,5
Ширина нижнего конца берцовой кости, мм	—	42	—	—
Длина большой фаланги, мм	65,5	—	—	—

Охота, по-видимому, играла небольшую роль в жизни обитателей Роксоланского городища, поскольку процент особой диких животных во всех трех слоях весьма незначительный.

Из 78 костей рыб значительная часть принадлежит сомам, остальная судакам и рыбам осетровых пород.

Об изменениях в составе стада домашних животных на протяжении различных эпох говорят следующие процентные данные (здесь в расчет не бралась собака, хозяйственное значение которой весьма незначительно).

Таблица 11

Название вида	Классическое и архаическое время	Эллинистическое время	Римское время
Крупный рогатый скот	30,4	36	43
Мелкий рогатый скот	52,2	50	28
Лошадь	13,1	12	20
Свинья	4,3	2	4
Итого	100	100	100

По-видимому, резкие изменения в видовом составе Роксоланского городища связаны с какими-то социально-экономическими причинами, характерными для многих районов Северного Причерноморья, осветить которые нет необходимости, тем более, что исчерпывающий ответ на этот вопрос был дан целым рядом исследователей².

² Б. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 104; П. Д. Либеров. МИА, 53, М., 1960, стр. 118—154; В. И. Цалкин. Указ. соч., стр. 91—100.

К ВОПРОСУ О ДРЕВНЕМ НАЗВАНИИ РОКСОЛАНСКОГО ГОРОДИЩА

П. О. Карышковский

Раскопки нескольких городищ на побережьях Днестровского лимана и многократные разведки, предпринятые в последние годы, значительно расширяют прежние представления о заселенности этого края в античную эпоху. Однако изучение археологических памятников настоятельно требует и пересмотра тех немногих сообщений греческих и римских писателей, в которых содержатся упоминания о Тире и ее окрестностях; это необходимо, в частности, и для решения вопроса о том, какие из известных в древности населенных пунктов на берегах лимана могут быть сопоставлены с определенными городищами и селищами.

Многие выдающиеся знатоки древностей Причерноморья посвящали свои исследования локализации древних населенных пунктов. Однако сама противоречивость заклю-

чений, к которым приходили различные ученые при попытках согласовать сведения о сохранившихся памятниках со скудными сообщениями древних авторов, заставляет обратиться прежде всего к этим последним.

Хотя путь ионийских мореходов в Северо-Западное Причерноморье вел их к поселению на Березани мимо устьев Дуная и Днестра, первые сведения о низовьях последнего сохранились лишь у Геродота. Он, как известно, не упоминает города Тирис или иных поселений в этом районе, но отмечает, что в его время, т. е. около середины V в. до н. э., близ устья реки Тираса жили «эллинцы, которые называются тиритами» (Her. IV 51). Отличие этого названия от встречающегося в надписях и на монетах самоназвания граждан Тириса (Tyrítai, а не Tугапоі)¹ показывает, что в этом тексте имеется в виду не гражданская община, приуроченная к определенному поселению, но отмечен лишь в самом общем виде тот факт, подтверждаемый и археологическими материалами, что близ устья Днестра в эпоху Геродота проживали его соотечественники.

Первыми указаниями на конкретные поселения близ устья Днестра мы обязаны древнейшему из известных периплов Черного моря, который приписывался Скилаку, современнику Дария Гистаспа, но был составлен в Афинах в третьей четверти IV в. до н. э. Согласно этому произведению, в земле скифов, живущих «за фракийцами», расположены реки Тирис и «эллинские города», из которых названы Никоний и Офиуса (р. Scyl., 68). Ни Ольвии, ни Днестра перипл не называет; не вполне ясно, объясняется ли это умолчанием древностью использованных составителем перипла источников², либо связано с переориентацией афинских купцов от Ольвии к Боспору³, но в любом случае текст не дает возможности определить, как были расположены Никоний и Офиуса по отношению к реке и друг относительно друга.

Некоторое представление о древнейших географических сочинениях дают сохранившиеся труды римских географов. Известно, что и Помпоний Мела, писавший при Клавдии, и Плиний, современник Нерона и первых Флавиев, широко пользовались наряду с произведениями своих римских предшественников и официальными документами, также и материалами alexandрийских ученых и даже сообщениями Геродота и его старших современников⁴. Поэтому из «Хорографии» Мелы и географических книг «Естественной истории» Плиния можно почерпнуть некоторые данные и об объеме знаний эллинистического и отчасти также классического периода. В частности Плиний имел в своем распоряжении весьма значительное количество разнообразных источников⁵, и его сведения о Северо-Западном Причерноморье сбивчивы и составлены по многим сочинениям⁶.

¹ Монеты и надписи знают только форму Tугапоі; этникон 'тирит', приводимый наряду с обычной формой и Стефаном Византийским, заимствован лексикографом у Геродота, но у последнего он произведен не от имени граждан, а от названия реки.

² В последнее время так считает, например, Л. А. Ельницкий. Знания древних о северных странах, М., 1961, стр. 69 слл.

³ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 24 слл.; М. Rostovtzeff, Scythien und der Bosphorus, Berlin, 1931, стр. 27 слл. (далее эти книги цитируются соответственно «СБ» и «СВ»).

⁴ Ростовцев считал источниками Мелы и Плиния труды ионийских географов, к которым он причислял Аристия, Гекатея, Гелланика, пс. — Гиппократа, Дамаста и Эвдокса (СБ, стр. 16 слл., СВ, стр. 12 слл.). Нельзя не согласиться, однако, с тем, что объединение всех этих писателей, от произведений которых остались в большинстве случаев только небольшие отрывки, в рамках единого «ионийского» научного направления является крайне искусственным и не выдерживает критики (Д. П. Каллисто. Очерки по истории Сев. Причерноморья. Л., 1949, стр. 82 слл.; ср. Chr. M. Danoff. Pontos Euxinos. RE, IX, доп., 1962, стб. 1158). Но при этом наблюдения Ростовцева относительно древности источников Мелы и Плиния и их независимости от Геродота следует считать правильными (см., например, Дж. О. Томсон. История древней географии. М., 1953, стр. 321 слл.).

⁵ Об источниках географических книг «Естественной истории» см. многочисленные работы Детлефсена, главным образом его итоговый труд (D. Dellefsen. Die Anordnung der geographischen Bücher des Plinius nach ihre Quellen. QFGG, 18, 1909), а также Клотца (A. Klotz. Quaestiones Plinianae geographicae. Там же, 11, 1907) и некоторых других ученых (ср. E. Schweder. Über die gemeinsame Quelle der geographischen Darstellungen des Plinius und des Mela, Philologus. 46, 1888).

⁶ Так, Плиний сливает посвященные Ахиллу острова (совр. Березани и Змеиний) и соответственно приводит несогласуемые между собою сведения о расстоянии «Ахиллова острова» от разных пунктов побережья (Plin. Nat. hist. IV, 83; 93).

К северу от устьев Дуная Плиний помещает населенные пункты Кремник и Эпобий, Макрокремнийские горы, реку Тирис и одноименный город, называвшийся прежде Офиусой⁷, затем остров тирагетов, реку Асиак и племя асиаков, потом, исключая фракийских кробизов и перенесенную с Кавказского побережья гавань ахейцев⁸, мы находим еще реку Роду, Сагарийский залив и, наконец, Ольвию, которую Плиний помещает на Борисфене и называет Ольвиополем или Милтополем (Plin. Nat. hist. IV 82). Мела знает на этом побережье только реку Тирис с одноименным городом и реку Асиак с одноименным племенем, соседями которого являются каллипиды⁹; Днепр впадает в море, по его данным, у городов Ольвии и Борисфениды (Mela Chorogr. II 6—7)¹⁰.

Относительно подробная географическая номенклатура римских писателей представляется на первый взгляд результатом расширения их знаний в связи с военной и торговой экспансией Рима в Причерноморье во времена Августа и его ближайших преемников; ведь при описании Крыма Плиний, например, соединял сведения, полученные от римских военачальников и администраторов, с картой Агриппы¹¹. Но при более внимательном изучении трудно отрешиться от впечатления, что описание побережья между устьями Дуная и Днестра заимствовано Плинием из других его источников, а именно из трудов Артемидора и Исидора, географов позднеэллинистического времени¹². О сравнительно широких познаниях этой эпохи можно судить и по поздней-

⁷ «Славная река Тира, по имени которой называется город, прежде называвшийся Офиусой» (Plin. Nat. hist. IV, 82). Определенность и ясность этого указания, подкрепленного к тому же ссылкой Стефана Византийского на труд Александра Полигистора (Steph. Byz. s. v. Tyras, SC, I, p. 267), не оставляет места для сколько-нибудь обоснованных сомнений; однако одноименность города и реки ввела в заблуждение уже современника обоих римских ученых, поэта Валерия Флакка, который упоминает отдельно Тирис и Офиусу. Весь контекст этого места, где беспорядочно нагромождены многочисленные скифские, кавказские и вообще не поддающиеся локализации имена, не позволяет рассматривать это место как заслуживающее доверия указание на одновременное существование двух населенных пунктов, Тириса и Офиусы (Val. Flac. Arg. VI, 84—85; ср. VI, 33 слл.). Первое из этих названий было во времена Валерия Флакка общеизвестно, а второе это весьма начитанный в древней литературе поэт почерпнул, быть может, из тех же источников, что и Плиний (СБ, стр. 58; СВ, стр. 53 слл.). Мела кратко отмечает только название Тириса (Mela Chorogr. II, 7).

⁸ При описании Сев. Причерноморья Плиний явно смешивает реки Ю. Буг и Кубань, одинаково носившие у его предшественников имя Гипанид (ср. Plin. Nat. hist. IV, 83); результатом этой ошибки явилось перенесение в Побужье сираков и синдов (там же, IV, 83; 84; ср. Amm. Marcell., XXII, 8, 41); не сомневаемся, что и portus Achaegum следует перенести в Кавказскую Ахею (ср. Aristot. Pol. VIII, 38 b 22; Strabo. XI, 495), где Птоломеем знает деревню Ахею, а периплы римского времени помещают населенный пункт Старая Ахея. О том, что Strabon Птоломеем идентичны фракийским кробизам и попали на северный берег Черного моря из-за смешения здешнего Ордееса с тамошним Одессом, догадывался еще Стемпковский (И. А. Стемпковский. Исследования о местоположении древних греческих поселений на берегах Понта Евксинского. СПб., 1826, стр. 36—37).

⁹ О независимости источника Мелы и Плиния в этом месте от Геродота позволяет догадываться упоминание реки Асиак, которая неизвестна последнему; упоминание о каллипидах не обязательно заимствовано у Геродота, так как это племя называли Гелланик и Эвдокс (Strabo. XII, 550).

¹⁰ Если понимать под этой Борисфенидой название греческого поселения на Березани, то упоминание о нем может рассматриваться как подтверждение того, что Мела пользовался весьма древними источниками.

¹¹ СБ, стр. 51—52; ср. O. Cuntz. Agrippa und Augustus als Quellenschriftsteller des Plinius in den geographischen Büchern des Historia Naturalis. JCPH, XVII, 1890, стр. 505—506; D. Dellefsen. Ursprung, Einrichtung und Bedeutung der Erdkarte Agrippas. QFGG, 13, 1906, стр. 37—38.

¹² Детлефсен, специально исследовавший вопрос об источниках Плиния относительно побережий Черного моря, пришел к выводу, что им был использован труд Артемидора Эфесского, географа конца II в. до н. э., известного не только сочинениями, но и путешествиями по берегам Средиземного моря (D. Dellefsen. Die Quellen des Plinius in der Beschreibung des Pontus, Philologus. 46, 1888, стр. 691 слл.); еще в 1906 г. Детлефсен отсылал читателя к этой своей работе (Он же, Ursprung, Einrichtung und Bedeutung der Erdkarte Agrippas, стр. 80—82), но тремя годами позже уже утверждал, что источником Плиния при описании областей, расположенных между устьями Дуная и Крымом, был труд Исидора Харакского, жившего во времена Августа (Он же, Die Anordnung der geographischen Bücher des Plinius. Стр. 63—64, 163). Но так

му компилятивному периплу, составленному в V в. н. э. путем соединения перипла Арриана с отрывками из периплов пс. Скилака и пс. Скимна¹³; в этом сочинении сохранились — и притом именно при описании Северо-Западного Причерноморья — также извлечения из ближе неизвестного перипла, составленного не позже III в. до н. э.¹⁴, а также ссылки на «географа Артемидора» которому, впрочем, автор поздней компиляции предпочитает данные упомянутого перипла конца IV или III в. до н. э. (ps.—*Arr.*, Рег. 87 [61M] и 89 [63M]; промежуточный параграф [62M] выписан из перипла пс. Скимна).

При таком взгляде на состав позднего перипла, приписывавшегося Арриану, становится очевидным, что его сравнительно широкая осведомленность о Северо-Западном Причерноморье отражает не период составления этого компилятивного памятника, а дату его источников, т. е. не позднеримскую или даже ранневизантийскую эпоху, а позднеклассическое или раннеэллинистическое время: неизвестный перипл составлен не позже III в. до н. э., а Артемидор писал в конце II в. до н. э. Нельзя не отметить в этой связи, что ни во II, ни в I в. до н. э. ни в римское время в этом углу Черноморского побережья не было, судя по сохранившимся археологическим данным, такого числа сравнительно крупных поселений, как между серединой V и концом III в. до н. э. И в полном соответствии с этим, перипл пс. Арриана, следуя своим древним источникам, называет на пути от Ольвии к западу сначала «маленький, пустынный и безмятный остров» (т. е. Березань), затем поселения Одесс, Скопелы, гавани истриан и иснаков, «местечко» Никоний, город Тиру, Неоптолемово поселение, Кремниски и, наконец, Антифилово поселение (ps.—*Arr.*, Рег. 87 [61M] — 89 [63M]). Здесь, не говоря об Ольвии и Тире, можно отметить совпадение с источником Плиния по крайней мере относительно Одесса (Ордес Плиния и Птолемея) и Кремнисков (Плиний приводит это название в единственном числе). Весьма важно при этом, что из текста позднего перипла следует с полной несомненностью, что Артемидору, которым пользовался и Плиний¹⁵, было известно имя второго из названных населенных пунктов.

Усматривая отдельные совпадения между поздним анонимным периплом и данными Плиния, мы не можем оставить в стороне и ту часть перипла, автором которого считается Арриан, в которой идет речь об изучаемом районе. Здесь вслед за необитаемым и безмятным островом в устье Борисфена названы Одесс, гавани истриан и иснаков, а местности, лежащие западнее, до Дуная включительно, охарактеризованы как «пустынные и безмятные» (*Arr.*, Рег. 31—32 [20—21H]). Не сомневаясь, что мелкие поселения, названные Плинием и пс. Аррианом на основании их древних источников, могли не существовать во времена Арриана, современника Адриана и Антонина Пия, никак нельзя согласиться, что и Тира, чеканившая при этих императорах свою монету и получившая при Траяне римский гарнизон, отнесена в официальном и адресованном императору документе (а именно таков характер составленного Аррианом перипла) к числу пустынных и безмятных местностей. Равным образом и отнесенные Феодосии к числу заброшенных городов (*там же*, 30 [19H]; ср. ps. *Arr.*, Рег. 77 [51]) плохо вяжутся с тем, что один из высших сановников Боспора носил в римское время титул *ho epi Theodosias* CIRB, № 36, А 15; 64,5-6; 1130,4-5)¹⁶. Далее, согласно Арриану (*Arr.*, Рег. 30 [19H]) ряд населенных пунктов в Крыму характеризуется как

как об Исидоре известно, что он сам пользовался сочинением Артемидора (*Там же*. Стр. 54—55), а Детлефсену удалось показать, что Плиний обращался к Исидору лишь при описании Эллады (*Там же*. Стр. 54 слл., 57 слл., 61 слл., 161 слл.), мы считаем более обоснованным первоначальное мнение Детлефсена, согласно которому источником Плиния при описании Северо-Западного Причерноморья была книга Артемидора, содержащая точные указания относительно береговой линии и расстояния между ее отдельными пунктами.

¹³ Приписывавшийся Скимну Хиосскому перипл, написанный ямбическими триметрами, упоминает в занимающем нас месте только город Тиру, основанный милетянами и стоящий на одноименной реке (ps.—*Scymn.* 789—803); источником этого перипла, составленного в последней трети II в. до н. э., был — по крайней мере, в части, касающейся Северо-Западного Причерноморья — не сохранившийся перипл Деметрия Каллатийского, очень осведомленного географа (*Там же*. 718—720); ср. СБ, стр. 32 слл.; СБ, стр. 29 слл.; *Danoff*, ук. соч., стб. 910, 1166.

¹⁴ СБ, стр. 71—73; СБ, стр. 63—64, Ср. Ф. А. Браун. Разыскания в области готовославянских отношений. Ч. I, Сб. ОРЯС, т. 64, вып. 12, 1899, стр. 199.

¹⁵ D. Detlefsen. Die Quellen des Plinius in der Beschreibung des Pontus. Стр. 692, 694, 695, 696, 699, 701, 704.

¹⁶ Археологические памятники Феодосии также не подтверждают ее разрушения во времена Адриана; см. В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.-Л., 1949, стр. 192; ср. И. Б. Зеест. Разведочные раскопки Феодосии. КС ИИМК, 37; 1951, стр. 185 слл.; *Ее же*. Раскопки Феодосии. КС ИИМК, 40, 1953, стр. 143 слл.

перешедшие в руки местных племен (Калослимен принадлежит скифам, Символонлимен и Лампада таврам) либо как пришедшие в упадок (Афинеон). Это снова маловероятно для времени, когда Боспорский царь Котий, упомянутый в той части перипла, принадлежность которой Арриану не вызывает сомнений (*Arr.*, Рег. 26 [17H]), не только не был лишен городов на Керченском п-ове, но и получил от римлян власть над Херсонесом (об этом сообщает отлученник Адриана Флегонт в передаче Константина Багрянородного, *De them.* II 12)¹⁷. Все это ведет нас, как указывалось, ко времени расцвета государства крымских скифов во времена Скилура и Палака, т. е. ко второй половине II в. до н. э.¹⁸, с чем согласуется и временный переход Калослимена в руки скифов (ср. *IRE*, I², № 352, 353).

Здесь не место для рассмотрения происхождения Аррианова перипла, но следует подчеркнуть, что сохранившийся текст представлен редакцией, восходящей к единственной рукописи X в. (cod. Palatinus sive Heidelbergensis 398 и его копия XIV—XV в. cod. Londoniensis 19391; ср. GGM, I, р. XVI—XVII; FHG, V, I, р. XVI—XIX), причем полнота этой редакции, приписываемой самому Арриану¹⁹, вызывает, на наш взгляд, серьезные сомнения, поскольку византийские авторы цитируют отрывки перипла, известного им под именем Арриана, отсутствующие в Палатинской рукописи, но вполне увязывающиеся с содержанием и характером Аррианова перипла (*Procop.*, *De bel. Goth.* IV 14; *Leo Diac.*, *Hist.* IX 6). В силу этого неясно, во всех ли случаях приближения к дошедшему до нас тексту Арриана текст позднего компилятивного перипла должен рассматриваться как его сокращение или в некоторых параллельных местах и пс.-Арриана и Палатинско-Лондонская редакция Арриана представляют собой переработки собственно Аррианова сочинения. Такие сомнения вполне уместны, в частности, при рассмотрении данных о Северо-Западном Причерноморье, где соответствующий текст позднего перипла (ps.—*Arr.*, Рег. 87 [61M] и 89 [63M]), если даже исключить ссылки на Артемидора, гораздо полнее текста Палатинско-Лондонской редакции (*Arr.*, Рег. 31 [20H]). Другими словами, отвергая взгляд на перипл Арриана, как на сочинение, в котором все, кроме описания побережья между Трапезунтом и Севастополем (Диоскуриадой), является добавлением византийского времени²⁰, мы не можем отрешиться от впечатления, что как раз при описании Северо-Западного Причерноморья рука византийского редактора весьма ощутима.

Если можно, таким образом, предполагать, что рассмотренные выше произведения римского времени (труды Мелы, Плиния, Арриана и пс.-Арриана) заимствовали свои сведения о побережье, заключенном между устьями Дуная и Днепра, из сочинений более ранней эпохи, то судить об этих последних весьма нелегко. Утрата почти всей научной продукции эллинистических географов, в составе которой находились и труды местных уроженцев, специально посвященные Северо-Западному Причерноморью (таково, к примеру, известное лишь благодаря упоминанию в словаре Свида сочинение ольвиополигита Посидония, ср. *Suid.*, *Lex.*, ed. *Becker*, р. 877), придает особое значение «Географии» Страбона, энциклопедическому сочинению, основанному

¹⁷ Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 334—335; ср. В. В. Латышев. ПОНТИКА. СПб., 1909, стр. 114.

¹⁸ СБ, стр. 68, прим. 1; в тексте автор предпочитает, впрочем, другую дату, а именно конец I в. н. э. (СБ, стр. 67). Единственным аргументом в пользу этого второго предположения служит то, что Феодосия «играла крупную роль в эпоху Митридата». На наш взгляд, эту роль не следует преувеличивать: Феодосия упоминается в декрете в честь Диофанта в качестве города, который был отвоеван последним у сторонников Савмака (*IRE*, I², № 352), а затем известно только, что она отложилась от Митридата накануне его гибели (*Arr.*, *Mithr.* 108). Но насколько пострадал город при его взятии понтийско-херсонесскими войсками Диофанта и каково было его положение в течение сорокалетнего правления Митридата? Об этом можно судить только на основании того факта, что этот крупнейший город Боспора, в отличие от Фанагории и Горгиппии, не принимал никакого участия в чеканке однотипных серебряных и медных монет, которые выпускались при Митридате (ср. А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, 16, 1951, стр. 163). Вполне возможно, что город сильно потерпел во время подавления восстания Савмака и это стало известно Артемидору, составлявшему свой труд в самом конце II в. до н. э. Через сорок лет город был уже восстановлен, но снова-таки вполне вероятно, что память о разорении была одной из причин, обусловивших выступление феодосийцев против понтийского царя.

¹⁹ F. Reuss. Zu Arrians Periplus Ponti Euxini. *RhM*, 56, 1901, стр. 369 слл.; ср. С. Patsch. Arrians Periplus Ponti Euxini, *Klio*, IV, 1, 1904, стр. 68 слл.

²⁰ C. G. Brandis. Arrians Periplus Ponti Euxini. *RhM*, 51, 1896, стр. 109 слл.; V. Chapot. Arrien et le périple Pont-Euxin, *REG*, XXXIV, № 157, 1921, стр. 129 слл. ср. возражения Пача и особенно Рейсса.

на широком использовании огромной ныне не существующей географической литературы²¹.

Описание Северо-Западного Причерноморья дано Страбоном сравнительно подробно. Упомянув устья Истра и указав, что между территорией, заселенной гетами, и морем лежит «гетская пустыня, ровное и безводное пространство» (*Strabo*, VII 305), Страбон снова описывает устья Истра и образованные ими острова; изложение следует движению путешественника, продвигающегося «вдоль берега по направлению к Тире», причем Страбону известны и характерные для этого ландшафта лиманы (*Strabo* VII 305—306).

Непосредственно вслед за этим Страбон перечисляет населенные пункты, расположенные вблизи устья и по берегам Днестра (см. ниже), упоминает об острове Ахилла и сразу же называет реку Борисфен и другой островок, лежащий перед ее устьем. На этой реке Страбон помещает одноименный с нею город, причем знает, что последний основан милетянами и называется также Ольвией. Гипанид, на берегу которого, как известно, лежала Ольвия (*refer.*, IV 18; 53; ср. *Dio Chrys.*, XXXVI, 2), назвав весьма неопределенно где-то неподалеку; на всем побережье от Днестра до Днепра не названо ни одного населенного пункта, перечислены только живущие восточнее гетской пустыни племена (*Strabo*, VII, 306—307). Далее следует экскурс о суровости скифских зим с отступлениями касательно двух побед Неоптолема, полководца Митридата Евпатора, разгромившего «варваров» на суше и на море, а также замечание о скифском царе Атее (*там же*, VII, 307). После столь большого отклонения от описания побережья Страбон вторично упоминает об острове, лежащем против устья Борисфена, затем описывает Ахиллов бег и открывающийся за его восточной оконечностью обширный Каркинитский залив (*там же*, VII 307—308).

Прежде чем перейти к специальному рассмотрению сообщений Страбона о Нижнем Поднестровье, следует отметить, что во всем его изложенном выше отрывке отчетливо ощущаются следы соединения нескольких различных по своему характеру источников²². Во всяком случае, точное и ясное описание морского побережья, устьев рек и приморских населенных пунктов резко отделяется от всего остального; формальным признаком, отличающим собственно перипл, является наличие ряда обозначенных стадиями расстояний. В рассматриваемых рамках указано, что крайние устья Дуная разделены 300 ст., самое южное из них судоходно на 120 ст., от северного устья Дуная до Днестра 900 ст., отсюда до Ахиллова острова 500 ст., а до городов, расположенных на противоположных берегах реки (собственно лимана; см. ниже) 140 или, согласно другой информации, 120 ст.; Борисфен судоходен на 600 ст. от устья, Ольвия находится в 200 ст. от последнего, Ахиллов бег имеет 1000 ст. длины и ширину от 2 до 4 плетров (0,8 ст.); от материка эта песчаная коса отстоит в 60 ст., соединяясь с ним перешейком длиной в 40 ст.; Каркинитский залив вдается в материк на 1000 (а по другому измерению даже на 3000 ст.). К периплу относятся также точное перечисление устьев Дуная (их по Страбону семь, а не пять, как считал цитируемый им Эфор), указание на острова между этими устьями, сведения о величине последних, сообщение о том, что один из двух лиманов, расположенных вдоль побережья между Дунаем и Днестром, имеет выход к морю и может служить гаванью, а другой лишен выхода; к периплу же следует, скорее всего, отнести и названия четырех населенных пунктов близ устьев Днестра (см. ниже) и указание на то, что остров, лежащий перед устьем Днепра, имеет гавань, а город Борисфен, он же Ольвия, представляет собою большой порт; вполне в духе периплов и вкрапленные в эти сухие, но необходимые для мореплавателей данные краткие исторические справки (о месте переправы Дария Гистаспа через Дунай, об основании Ольвии милетянами). К периплу следует, вероятно, возводить и сообщение о том, что Ахиллов бег — песчаная отмель, где вода добывается из колодцев, а при оканчивающем ее мысе имеется обращенная к матерiku пристань.

Из этого обзора видно, что даже независимо от того, имеются ли основания приписывать перипл, откуда Страбоном были почерпнуты эти данные, какому-либо

²¹ О Страбоне см. *W. Aly. Strabon von Amaseia (Untersuchungen über Text, Aufbau und Quellen der Geographik)*. München, 1960, где указана литература; ср. *Г. А. Стратановский. Страбон и его «География»*. Приложение к русскому переводу Страбона (изд. «Наука», 1964, стр. 775 сл.).

²² *М. И. Ростовцев. Страбон как источник для истории Боспора*. Сб. в честь В. П. Бузескула. Харьков, 1914, стр. 366 сл.; *E. von Stern. Bemerkungen zu Strabons Geographie der Taurischen Halbinsel*, Hermes, 52, 1917, стр. 1 сл.; *K. J. Neumann. Strabos Landeskunde von Kaukasien*. JCPH, XIII, 1884, стр. 321 сл.; Хр. М. Данов. Към историческия облик на древна Тракия. I, Годишник Соф. ун-т, ист. фил. фак., 40, 1943/1944, стр. 42 сл.

определенному автору, необходимо признать его, в силу однородности и всего характера этих сообщений, за особое произведение, использованное Страбоном при описании Северо-Западного Причерноморья²³. А так как, с другой стороны, можно считать доказанным, что именно этим произведением географ пользовался и при описании Кавказского побережья²⁴, где он определенно противопоставляет перипл уже упоминавшегося выше Артемидора, послуживший, как показано выше, также источником и для Плиния, свидетельствам «историков Митридатых деяний» (*Strabo*, XI, 496—497), то можно принять с большой долей уверенности, что и описании Северо-Западного Причерноморья по крайней мере одним из источников Страбона был перипл Артемидора, откуда, скорее всего, и выписаны данные о расстояниях, рассмотренные выше²⁵.

Страбово описание северных побережий Понта, где он никогда не был лично и к которому, за исключением Херсонеса и Боспора, проявлял сравнительно небольшой интерес, имеет ту существенную особенность, что Страбон очень сильно сокращал свои источники²⁶. Результатом такого сокращения являются доставившие немало затруднений переводчикам и комментаторам почти несвязные или, во всяком случае, маловразумительные из-за краткости сообщения. Классическим в этом отношении является переход от первого ко второму параграфу четвертой главы рассматриваемой нами книги (там же, VII 308), истолкование непонятных мест которого породило немало недоразумений²⁷. Не менее показательно и описание Ахиллова бега в заключительном параграфе предыдущей главы. Упомянутый еще Геродотом, этот «бег» описан как «узкая коса длиной около тысячи стадиев по направлению к востоку; наибольшая ее ширина два стадия, а наименьшая четыре плетра. От материка, находящегося по обе стороны перешейка, она отстоит на шестьдесят стадиев, ... посередине ее перешеек, имеющий около сорока стадиев» (там же, VII 307—308). Все это место выражено в оригинале крайне сжато, ввиду чего и понимание всех его деталей оказывается не всегда одинаковым²⁸. Однако после всего сказанного не будет удивительным, что лучшим разъяснением темных его мест оказывается параллельный текст позднего анонимного перипла²⁹. Здесь Ахиллов бег описан как длинная и узкая полоса, простирающаяся на 1200 ст., шириной в 4 плетра; «концы ее имеют вид островов, от материка она отстоит на 60 ст., ... посередине узкий перешеек соединяет ее с материком, простираясь в длину на 40 ст.» (*ps.-Arr. Per. 84 [58M]*). Аноним следует в своем описании от востока к западу³⁰, тогда как Страбон продвигается в противоположном направлении. Но в тексте последнего имеются в данном месте следы соединения двух источников: Страбон дважды определяет размеры Каркинитского залива, знает его другое, не засвидетельствованное ни одним другим древним автором название (Тамиракский залив), а в следующем предложении приводит два противоречащих показания о ширине Перекопского перешейка (*Strabo* VII, 308). При сличении числовых данных относительно Ахиллова бега не остается сомнения, что один из источников Страбона был в руках и у составителя *ps.-Аррианова перипла*, причем последний определяет длину Ахиллова бега точной цифрой (1200 ст.), а первый округляет («около тысячи»); таким же образом поступает Страбон и при определении величины Кар-

²³ *М. И. Ростовцев. Страбон как источник...*, стр. 366, 374; СБ, стр. 34, 36, 38, 48.

²⁴ *K. J. Neumann. Strabos Landeskunde...*, стр. 328—329, 332; ср. вывод Штерна относительно Крыма (ук. соч., стр. 6).

²⁵ СБ, стр. 41—42; ср. *Danoff. Str.* 910—911.

²⁶ *М. И. Ростовцев. Страбон как источник...*, стр. 369, прим. 2; стр. 370, 376.

²⁷ Ср. *В. В. Латышев. ПОНТИКА*. Стр. 129 сл.; *А. Л. Бергье-Деллагард. О Херсонесе*. ИАК, 21, 1907, стр. 177 сл.; *Э. Р. Штерн. О местоположении древнего Херсонеса*, ЗООИД, т. 28 (приложение), 1907, стр. 101 сл., 116 сл.; *А. А. Малинин. Заметки по географии древней Таврики*. ЖМНП, 48, 1913, № 11, стр. 474 сл.

²⁸ Так, в последнем русском переводе цифра 40 понята как определение ширины перешейка, соединяющего косу с материком (*Страбон. География*, пер. Г. А. Стратановского, М., 1964, стр. 282); точный, но не совсем ясный перевод С. В. Мирошникова из SC приведен в тексте (ср. ВДИ, 1947, № 4, стр. 261); несколько вольное, но совершенно правильное изложение, см. *И. И. Толстой. Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте*. СПб., 1918, стр. 55.

²⁹ Это место Мюллер не возвел к какому-либо источнику; представляется вполне вероятным, что этим источником был Артемидор, прямая ссылка на труд которого приведена составителем перипла несколько ниже. Что касается Плиния, то его сообщение о ристалище Ахилла, судя по приведенной тут же ссылке на Агриппу, заимствовано у этого последнего и не может служить для уточнения слов Страбона.

³⁰ Так же двигался и Артемидор в своем сочинении, см. *К. J. Neumann. Ук. соч.*, стр. 330, 332—333.

кинитского залива — анонимный перипл считает его равным 2250 ст., а у Страбона читаем, что залив углубляется в сушу «приблизительно на тысячу стадиев; другие, однако, говорят, что до внутреннего угла залива расстояние втрое больше». Нетрудно установить также, что Страбон не только дополняет показания общего с пс.-Аррианом источника другими данными, но и вообще гораздо более свободно передает его текст; у Страбона, к примеру, западная оконечность Ахиллова бега охарактеризована как лишенная растительности местность, называемая тем не менее рошей и посвященная Ахиллу; пс.-Арриан прямо называет здесь рошу Гекаты; последнему известно и озеро «внутри Тамираки», и, если судить по Палатинско-Лондонской редакции Аррианова перипла, то в их общем источнике были приведены расстояния до устья этого озера и до так наз. Эйонов (*Arr.*, Per. 31 [20H]).

Уяснив на этом примере характер работы Страбона над его источниками, переходим к его описанию устья Днестра, отметив попутно, что данное место одинаково передается во всех известных рукописях «Географии». Здесь читается: «При устье Тирь находится башня, называемая Неоптолемовой, и деревня, именуемая Гермонактовой. Если подняться по реке на сто сорок стадиев, то на обоих берегах встретятся города: один Никония, а другой, на левом берегу, Офиусса; жители побережья этой реки говорят, что, если подняться на сто двадцать стадиев, то встретится город» (*Strabo*, VII, 306).

В этом отрывке, который приведен выше в переводе С. В. Мирошникова, прокорректированном В. В. Латышевым (SC, I, p. 119; ср. ВДИ, 1947, № 4, стр. 199—200), обращает внимание чрезмерная сжатость последнего предложения; эта краткость, еще более заметная в оригинале (*hoi de prosoikountes toi potamoi polin phasin anionti hekaton kai eikosi stadiou*), порождает некоторую неясность, связанную с тем, что упоминаемый здесь город не назван по имени. Ранние переводчики и комментаторы Страбона, впрочем, понимали это место правильно и по форме и по существу, хотя уже Казаубон предполагал порчу текста³¹. Пример оказался заразительным — Цшукке считал возможным вообще исключить слово *polin*, с чем согласились Крамер и Форбигер³²; напротив, Гроскурд читал, дополняя текст, *allen tina polin или kai allen polin phasin*, Мюллер — *hoi de prosoikountes homonymon toi potamoi polin phasin*, Мадвиг — *hoi de prosoikountes toi potamoi palin einai polin phasin*³³, а Билябель предлагал даже дополнить это место указанием на милетское происхождение города, читая *hoi de prosoikountes toi potamoi Milesion ktisma einai ten homonymon toi potamoi polin phasin*³⁴. Наконец, Мейнеке и некоторые другие издатели ставят перед *polin* астериск, считая данный текст испорченным, но не рискуя исправлять и дополнять его по усмотрению³⁵.

Соответственно такому отношению к изучаемому месту Страбона, ученые XIX—XX вв. разделились при переводах и толкованиях на две группы. Одни видят в упоминаемом здесь городе некий населенный пункт, отличный от названных в предыдущих строках Никонии и Офиуссы и помещают этот третий город, в котором чаще всего узнают Тирю, либо в 120 ст. от устья Днестра, т. е. на 20 ст. южнее Офиуссы, либо в 120 ст. севернее последней, т. е. на расстоянии 260 ст. от устья реки³⁶. Невер-

³¹ Первый латинский перевод Гварини, изданный в Базеле в 1549 г., гласит: «At qui fluvio propinqua tenent habitacula, urbem C et XX stadiis ascendunt occurrere dicunt» (p. 206); помещенный в Казаубоновском издании канонический перевод Ксиландера (1587 г.) в сущности не вносит нового: «Fluminis accolae urbem commemorat, quae stadia CXX sursum naviganti occurat» (p. 469 ed. Amstelodamensis 1707); комментатор предлагает читать *polin arantain или esten polin phasin*.

³² *Strabonis rerum Geographicarum libri XVII*, ed. J. Ph. Siebenkees et C. H. Tzschukke, II, Lipsiae, 1797, стр. 383; *Strabonis Geographica*, rec. G. Kramer, II, Berolini, 1847, стр. 31; *Strabos Erbeschreibung*, übersetzt von A. Forbiger, III, Stuttgart, 1857, стр. 89; *Strabons Erbeschreibung*, verdeutsch von Chr. G. Groskurd, I, Berlin, 1831, стр. 538; *Strabonis Geographica*, cur. C. Müller et F. Dübner, Parisiis, 1853, стр. 983; конъектура Мадвига цитируется по французскому переводу Тардьё (*Geographie de Strabon*, trad. par A. Tardieu, II, Paris, 1873, стр. 31).

³³ F. Bilabel. Die ionische Kolonisation, Leipzig, 1920, стр. 21; столь же бесцеремонно исправляет Билябель и текст перипла пс.-Скилака, где, по его мнению, следует читать не *Tyris potamos*, а *Tyris polis* (там же, стр. 20). Ср. Т. Д. Златковская. О начальном периоде истории Тирь. СА, 1959, № 2, стр. 68.

³⁴ *Strabonis Geographica* rec. A. Meinecke, II, Lipsiae, 1866, стр. 420.

³⁵ Первое из этих мнений было, насколько нам известно, впервые выражено в немецких переводах Пенцля (*Des Strabo Allgemeine Erbeschreibung*, übersetzt von A. J. Penzel, II, Lemgow, 1775, стр. 920) и Гроскурда, а также в латинском переводе Мюллера (см. выше, прим. 33); вторая точка зрения выдвинута Бруно и поддержана

ность такого понимания явствует из того, что для его обоснования следовало бы предельно доказать, что Тира представляла собой особый населенный пункт, отличный от Офиуссы. Такие попытки иногда и предпринимались, но ни одна из них не может, на наш взгляд, считаться убедительной, так как Плиний определенно разъясняет, что Тирью назывался город, именованный прежде Офиуссой (*Plin.*, Nat. hist. IV, 82), и такое же сообщение приводит со ссылкой на Александра Полигистора, весьма начитанного, добросовестного и плодовитого писателя эпохи Суллы, также Стефан Византийский (*Steph. Byz.*, s. v. Tyras, SC, I, p. 267); не лишне напомнить, что и перипл IV в. до н. э. знает о существовании реки Тириса и городов Никония и Офиуссы, но не подозревает о городе Тире (ps.—*Scyl.* 89)³⁷. Наконец, на западном берегу лимана ни в 20 ст. к югу, ни в 120 ст. к северу от Тирь нет остатков такого поселения, которое Страбон, достаточно точный в отношении своей терминологии автор, мог бы назвать городом (ведь и пс.-Арриан, следуя своему источнику, называет даже Никоний лишь местечком, *khogion*).

Более убедительной представляется нам точка зрения другой группы ученых, не старающихся обязательно отыскать у Страбона указание на существование отличного от названной им Офиуссы, одноименного с хорошо ему известной рекой города, т. е. Тирь, и стремящихся прежде всего разобраться в смысле сохранившегося текста. В самом деле, расстановка слов (*anapleusanti de hekaton tessarakonta stadiou eph'hekateta poleis... polin phasin anionti*) явно свидетельствует, что во втором случае *polis* это не какой-либо неизвестный город, но один из ранее названных. Ведь содержание всего рассматриваемого параграфа не вызывает, строго говоря, сомнений: у Страбона сказано, что поднимающемуся по реке от моря встретятся в 140 ст. от устья расположенные на обоих берегах города: на одном Никония, на другом, а именно на левом для плывущего против течения, т. е. на правом по нынешнему словоупотреблению, Офиусса (*he men Nikonia, he d'en aristerai Ophioussa*). К этому показанию, источником которого был, как можно полагать, уже рассмотренный выше перипл, прибавлено, со ссылкой на показания местных жителей (*hoi prosoikountes toi potamoi*), говорящих о городе, что он отстоит от устья реки не на 140, а на 120 ст³⁸. Нельзя не согласиться, что вся структура предложения допускает только такое толкование: лишь в этом случае понятно, почему Страбон ссылается на свидетельство жителей побережья и почему он это свидетельство противопоставляет данному им на первом месте определенному расстоянию³⁹. Подчеркнем также, что нет необходимости допускать в последних словах дефектность текста, хотя бы даже пропуск артикля при *polin*⁴⁰; вполне понятно, что именно местные жители, говоря о Тире — Офиуссе, которая во много раз и по размерам, и по количеству населения, и по значению превосходила лежащий на противоположном берегу Никоний, называли ее просто городом, не прибавляя в каждом случае названия, всем хорошо известного⁴¹. Таким образом, лаконизм этого

указанным переводом Тардьё (см. выше, прим. 33), а также русскими переводчиками 70-х годов XIX в. (*Страбона География книги VII и XI*, пер. А. Маркопуло, ЗООИД, т. 10, 1877, стр. 76—77; *География Страбона*, пер. Ф. Г. Мищенко, М., 1879, стр. 308).

³⁷ Билябель предлагает исправить текст, так как составитель перипла должен был знать о существовании города Тирь; кроме того, после слов *meta de Thraikēn eisi Skythai ethnos kai poleis en autois Hellenides haide* совершенно неоправдано продолжение *Tyris potamos, Nikonion polis, Ophioussa polis* (F. Bilabel. Die ionische Kolonisation, стр. 20; ср. Т. Д. Златковская. Ук. соч., стр. 68). Но исправление текста, дошедшего в крайне плохом состоянии (например, Trisses вместо Tyris, Neopion вместо Nikonion и т. п.), возможно и без того, чтобы приписывать периплу мысль о том, что Офиусса и Тира были разными населенными пунктами (ср. выше, прим. 7), например, после *haide* вполне могло стоять *epi tou Tyrou potamou Nikonion polis kai Ophioussa polis*, что вполне согласуется с данными Страбона и разъяснением Плиния.

³⁸ Так и перевели это место дю-Тейль и Корэ (*Geographie de Strabon*, III, Paris, 1812, стр. 51), полагающие, что вторая цифра Страбона относится к расстоянию Офиуссы от Неоптолемовой башни, а также Форбигер (см. выше, прим. 32), который полагает, что она может быть отнесена к расстоянию любого из названных Страбоном городов до башни. Достаточно точно переводят это место новейшие переводы на английский и русский языки (*The Geography of Strabo with an English translation* by H. L. Jones, III, Cambridge, 1954, стр. 219; *Страбон. География*. Пер. Г. А. Стратановича, стр. 280), но в своем комментарии и Джонс и Стратанович присоединяются, не приводя при этом никаких аргументов, к тем, кто полагает, будто Страбон имел в виду некий третий город, а именно Тирю (*Jones*, стр. 219, прим. 8; *Стратанович*, стр. 815, прим. 58).

³⁹ Э. Р. Штерн. О последних раскопках в Аккермане, ЗООИД, т. 23, 1901, стр. 58

— см.

⁴⁰ Там же. Стр. 60.

⁴¹ E. Diehl. Tyras. RE, VII A, 1948, стр. 1851—1852.

места вытекает не из небрежности переписчиков, а связан с манерой работы Страбона над своими источниками и с характером последних⁴².

Если высказанное выше предположение о том, что Страбон при описании Северо-Западного Причерноморья положил в основу перипл Артемидора, которым пользовались также Плиний и автор приписывавшегося Арриану позднего перипла, то естественно, что географическая номенклатура этих произведений совпадает в отношении некоторых малозначительных и неизвестных другим источникам пунктов. Действительно, Плиний и пс.-Арриан знают к северу от устьев Дуная Кремниск или Кремниски, причем нет сомнений, что данное название знал Артемидор⁴³. Далее, Neoptolemeou rurgos Страбона совпадает с та Neoptolemeou перипла⁴⁴, а Никония первого с Никоном второго⁴⁵; наконец, если пс.-Арриан, следуя в этом месте другому источнику (ямбическому периплу пс.-Скимна), называет на реке Тирасе лишь один одноименный с нею город, то Страбон и Плиний знают этот город под его древним названием, а последний специально объясняет, что Офиусса лишь прежнее название Тирас, а особый населенный пункт⁴⁶. Все это, как уже говорилось, подтверждается цитируемыми поздним лексикографом словами Александра Полигистора и косвенно также периплом пс.-Скилака.

Одноименность города и реки, на которой он находился, ввела в заблуждение многих не слишком осведомленных или недостаточно внимательных древних авторов, знавших этот край только книжным путем. Это становится очевидным при сравнении Страбона с пс.-Аррианом. Согласно первому, Никоний и Офиусса лежат на противоположных берегах реки в 140 или 120 ст. от устья, где расположены Неоптолемова башня и Гермонактова деревня; у пс.-Арриана находим маловразумительное сообщение — от местечка Никония до судоходной реки Тирас 30 ст., затем от реки Тирас до Неоптолемовых 120 ст. (ps.—Arr., Reg. 89[63M]); получается, что и Никоний, и Неоптолемова башня находятся не на берегу реки, а на значительных расстояниях от нее. Поэтому вполне вероятно, что составитель позднего перипла не понял свой источник, где Тирой называлась не только река, но и город; в таком случае и по Страбону, и по пс.-Арриану от Неоптолемовой башни до Тирас — Офиуссы насчитывается 120 ст., а 30 ст., представляют расстояние от Никония не до берега реки, а до того же города, т. е. ширину лимана⁴⁷.

Последним произведением античной науки, в котором упоминаются названия занимающих нас населенных пунктов, является «География» Клавдия Птолемея. В этом труде были сведены воедино обильные и в большинстве случаев достоверные данные об относительном расположении многочисленных географических объектов⁴⁸, но вместе с тем необходимо иметь в виду, что Птоломей не указывает расстояний между отдельными точками, а определяет положение каждой из них в градусах и минутах долготы и широты. В своих источниках, однако, он встречал не координаты каждого населенного пункта или горы, а именно расстояния, выраженные в линейных мерах; следовательно, для сравнения показаний Птолемея с сообщениями периплов и других источников необходимо выполнить противоположную работу, т. е. выразить географические координаты Птолемея снова через расстояния между отдельными пунктами. Эта задача выполнена применительно к побережью Черного моря с большой тщательностью⁴⁹, при-

⁴² Как и в других аналогичных случаях, текст Страбона дошел до нас без пропусков, «невразумительность же объясняется исключительно тем, что и здесь, как и почти во всей своей книге, Страбон не перерабатывает своего материала, а его экскерпирует или, лучше, сокращает, причем механически соединяет в одно целое выдержки из источников разных категорий; мы чувствуем пропуск, и наше чувство нас не обманывает, но пропуск не в дошедшем до нас тексте Страбона, а в его собственной рукописи» (М. И. Ростовцев. Страбон как источник..., стр. 370, прим. 1).

⁴³ F. Lockzeit. Kremniskoi. RE, XI, 1922, стб. 1709.

⁴⁴ A. Herrmann. Neoptolemeou rurgos, RE, XVI, 1935, стб. 2470.

⁴⁵ A. Herrmann. Niconia, RE, XVII, 1936, стб. 508—509.

⁴⁶ E. Diehl. Ophiusa. RE, XVIII, 1942, стб. 663.

⁴⁷ Ф. А. Браун. Разыскания... Стр. 202; M. Kiessling. Hermonaktos kome. RE, VIII, 1913, стб. 894—895; E. Diehl. Tyras. Стб. 1851. К сожалению, Браун повторяет далее несостоятельные домыслы Бруна относительно перенесения Офиуссы с одного места на другое (Браун. Ук. соч., стр. 203—204; ср. Ф. К. Брун. Черноморье. Ч. I, Одесса, 1879, стр. 11—13); критику взглядов Бруна дает Э. Р. Штерн. О последних раскопках в Аккермане. Стр. 50 слл.

⁴⁸ СБ, стр. 73—79; СВ, стр. 66—72; Ю. А. Кулаковский. Карта Европейской Сарматии по Птолемею. Киев, 1891, стр. № слл.; 7 слл.; ср. K. Müllenhoff. Deutsche Altertumskunde. III, Berlin, 1892, стр. 91 слл.

⁴⁹ Ф. А. Браун. Разыскания..., стр. 178 слл.; ср. Ю. А. Кулаковский. Карта Европейской Сарматии, стр. 12 слл.; В. В. Латышев, ПОНТИКА, стр. 400 слл.; 410 слл.

чем можно считать установленным, что береговая линия от Дуная до Перекопа представлялась Птолемею очень искаженной; главная ошибка скрывается в промежутке между Дунаем и Днестром и состоит в том, что меридианы Птолемея сильно отклоняются от действительных, а широта исходного пункта его вычислений, Византия, определена неверно⁵⁰.

К северу от устьев Дуная Птоломей отмечает до Днестра два пункта — город Гарпис и Гермонактову деревню; эта последняя поставлена под $56^{\circ} 15' - 47^{\circ} 30'$, тогда как для устья реки Тирас даны иные координаты — $56^{\circ} 20' - 47^{\circ} 40'$ (Ptol., III 10, 7). Разница объясняется тем, что Птоломей помещает Гермонактову деревню, как и Страбон, у юго-западной оконечности Днестровского лимана, а «устье» Тирас определяется у него поворотом к морю противоположного, восточного берега; расстояние от Гермонактовой деревни до этого «устья» выражает, таким образом, ширину лимана у его слияния с открытым морем (применительно к настоящему времени — длину песчаной перемычки, отделяющей лиман от моря). При переводе этих координат в расстояния ширину лимана у моря составляет немногим более 15 км (88 ст.)⁵¹.

Более серьезные неувязки находим у Птолемея при определении местоположения городов, лежащих выше по лиману, который он, как и остальные античные авторы, не отличает от реки. Прежде всего, Птоломей — единственный из всех древних географов — отличает Тирас от Офиуссы, ставя их соответственно под $56^{\circ} - 47^{\circ} 40'$ и $56^{\circ} - 48^{\circ}$; координаты Никония определены севернее — $56^{\circ} 20' - 48^{\circ} 10'$; все три города размещены не по Днестру, а «между реками Гиерасом и Тирой» (текст восстановлен издателем; рукописи дают либо tou Hierasou, либо tou Tyra potamou; Ptol., III 10, 8), что уже само по себе внушает сомнения относительно точности имевшихся в распоряжении Птолемея сведений. Действительно, определено примерно правильно лишь положение Тирас, от которой до Гермонактовой деревни насчитывается около 19 км (118,5 ст.; стр. 120 ст. у Страбона и пс.-Арриана). Зато дальнейшие цифры оказываются положительно невозможными: от Тирас до Офиуссы по Птолемею получается 28,8 км (166,6 ст.), от последней до Никония еще 25,7 км (139,1 ст.), а расстояние от Никония до Тирас приравняется даже к 50,7 км (274 ст.); нельзя не согласиться, что эти данные невозможно согласовать с тем, что известно о местоположении Офиуссы и Никония из других источников⁵². По-видимому, Птоломей не принял во внимание того обстоятельства, что Офиусса представляет собой лишь древнее название Тирас (вряд ли случайно, что координаты Офиуссы приведены с точностью до целого градуса — Птоломей мог, как видно, извлечь из своих источников лишь то, что ее следует искать поблизости от Тирас)⁵³, что и привело его к ошибке, которую отметили еще первые исследователи древностей Северо-Западного Причерноморья; при компилятивном характере его огромного труда такая ошибка вполне объяснима⁵⁴.

Подводя итоги рассмотрению всей совокупности сохранившихся у античных авторов сведений о Северо-Западном Причерноморье в целом и о Нижнем Поднестровье в частности, мы устанавливаем прежде всего, что они не отличали лиман от реки и определяли устье Тирас на линии слияния лимана с морем, причем те авторы, которые описывают побережье в направлении движения к западу, помещают это устье у восточного, а те, кто следует противоположному направлению, у западного берега лимана. Далее, одноименный с рекой город становится впервые известным под своим древним ионийским именем Офиуссы (или Офиусы); самое раннее упоминание об Офиуссе принадлежит третьей четверти IV ст. до н. э. (даже тогда это название было устаревшим, так как на монетах примерно этого времени читается только имя граждан Тирас). Одновременно и из того же источника становится известным и город Никоний (Никония). Перипл III в. до н. э., использованный (прямо или в составе более позднего труда Артемидора, жившего в конце II в. до н. э.) Страбоном и составителем позднего перипла, приписывавшегося долгое время Арриану, позволяет установить, что Офиусса и Никоний лежали на противоположных берегах лимана, на расстоянии двух

⁵⁰ Ф. А. Браун. Ук. соч., стр. 194—198.

⁵¹ Там же. Стр. 200—201. Стадия Птолемея составляет примерно 185 м (там же, стр. 180, прим. 1; ср. Э. Р. Штерн. О последних раскопках в Аккермане. Стр. 57). Кислинг, не учитывающий уменьшения градусов долготы по мере удаления на север, получает даже 100 ст. (M. Kiessling. Hermonaktos kome, стб. 894).

⁵² Ф. А. Браун. Ук. соч., стр. 201 слл.

⁵³ Э. Р. Штерн. О последних раскопках в Аккермане. Стр. 57.

⁵⁴ И. А. Стемковский. Исследования о местоположении древних греческих поселений. Стр. 40; Н. К. Е. Köhler. Mémoire sur les îles et la course consacrées à Achille dans le Pont-Euxin. Mém. de l'Académie des sciences de S. Pétersbourg, X, 1826, стр. 790, прим. 906. Ср. E. Diehl. Tyras. Стб. 1852: «ein typisches Beispiel seiner wirklichkeitsfernen Schreibtschgelehrsamkeit».

десятков километров (120 или 140 ст.) от его слияния с морем, где находились Неоптолемова башня и Гермонактова деревня. При этом Офиусса находилась на правом, а Никоний на левом берегу; расстояние между ними через лиман превосходило 5 км (30 ст.) Город Тира становится известным под этим именем жившему в III ст. до н. э. Деметрию Каллатийскому, от которого его заимствовал писавший в конце II в. до н. э. автор ямбического перипла, фрагменты которого сохранились под именем пс.-Скимна. Несколькими десятилетиями позже Александр Полигистор уже разъясняет, как известно из позднего лексикографического труда, что Офиусса — древнее название города Тире. Римские писатели I в. н. э., широко использовавшие произведения своих греческих предшественников, соединяя их с данными своей эпохи, не упоминают о Никонии вовсе, но хорошо знают Тиру, причем Мела довольствуется беглым упоминанием об одноименном с рекою городе, а более обстоятельный и добросовестный Плиний снова поясняет, что ранее этот город носил имя Офиуссы.

Эта согласованная и не заключающая внутренних противоречий информация нарушается ранее всего поэтом Валерием Флакком, а во II в. н. э. и астрономом и географом Птоломеем, которые называют имена и Тире и Офиуссы, не сомневаясь, что они принадлежали различным населенным пунктам; однако первый, стремясь подавить читателя своей поэмы об аргонавтах ученостью и нагромождением огромного числа собственных имен, не может рассматриваться как надежный свидетель о существовании двух названных городов в одно и то же время; что касается Птолемея, то комплиментный характер его труда, составленного из разновременных источников, позволяет думать, что и он в данном случае не доказывает, особенно при наличии разъяснений Плиния и Александра Полигистора, что Офиусса и Тира действительно были разными городами.

Из всего сказанного следует, что античная традиция передает названия четырех населенных пунктов, расположенных на Днестровском лимане или в непосредственной от него близости: города Офиуссы, который впоследствии назывался Тирой, города или местечка Никония, Гермонактовой деревни и Неоптолемовой башни; из них Офиусса-Тира лежала на правом берегу, а Никоний на левом, примерно на одинаковом расстоянии от моря; так как Страбон описывает берег, следуя к востоку от устьев Дуная, то Гермонактову деревню и Неоптолемову башню следует искать поблизости друг от друга и притом на западном берегу; это подтверждается и данными Птолемея относительно Гермонактовой деревни.

Все эти данные не содержат каких-либо непримиримых внутренних противоречий и согласуются с географическими и археологическими фактами. Исходным пунктом при локализации должен, естественно, быть тот город, местоположение которого не вызывает сомнений, т. е. Офиусса-Тира, центральная часть которого находилась в пределах средневековой крепости нынешнего Белгорода-Днестровского. Отсюда, считая по карте Одесской области, изданной Главным управлением геодезии и картографии в 1955 г. (масштаб 1 : 500 000), до поворота западного берега к Будацкому (Шаболатскому) лиману, сообщавшемуся всего несколько столетий назад с Днестровским, по прямой насчитывается несколько более 15 км, а с учетом того, что древние периплы прокладывали водный путь вдоль берега, мы должны именно здесь, недалеко от поворота, искать и Неоптолемову башню (напомним, что она находилась, по Страбону, и пс.-Арриану, примерно в 20 км от Офиуссы-Тире). В научной литературе, с легкой руки Беккера, утвердилось мнение, что в середине XIX в. были обнаружены даже остатки фундамента круглой башни, стоявшей на возвышенном мысе между Будацким лиманом и его узким северным отрогом, так наз. Кимбетским лиманом, у современного с. Беленькое (по Беккеру — близ дер. Кимбети)⁵⁵. Хотя проверить древность постройки не удалось уже ученым прошлого века⁵⁶, следует подчеркнуть, что помещение в указанном месте Неоптолемовой башни очень вероятно, так как она была бы хорошо видна с моря и служила бы мореплавателям прекрасным ориентиром при входе в лиман⁵⁷.

⁵⁵ П. В. Беккер. Берег Понта Евксинского от Истра до Борисфена в отношении к древним его колониям. ЗООИД, III, 1853, стр. 163 слл.; 171 слл.; ср. Ф. К. Брун, Черноморье, ч. I, стр. 164, прим. 7.

⁵⁶ А. А. Сибирский. Отчет о предположениях г. Беккера о древней Никонии и башне Неоптолема. Зап. СПб. археологич. об-ва. т. VIII, 1856, приложение, стр. 41—42; ср. Э. Г. Муральт. О древних поселениях на сев.-зап. берегу Черного моря. Там же, т. II, 1850, стр. 132.

⁵⁷ Расположенный поблизости курган, так наз. Попова могила (или Аккембетский), и в настоящее время служит той же цели (см. Люция Черного моря, Л., 1937, стр. 423, 444); поэтому башня Неоптолема, находящаяся фактически в 5 км западнее древнего входа в лиман, считалась мореплавателями за исходный пункт при отсчете расстояний по реке.

Археологическая разведка в этой местности показала, что юго-восточнее с. Беленькое, на возвышенном мысе обнаружены обломки амфор IV—III вв. до н. э.; культурный слой прослеживается на расстоянии 100 м⁵⁸. По-видимому, здесь и находился в древности пункт, связанный с именем Неоптолема, в котором нет никаких оснований видеть одно из долковоцев Митридата Евпатора⁵⁹.

Что касается Гермонактовой деревни, то ее следует, как это видно из сопоставления показаний древних авторов, искать неподалеку от предполагаемого места башни, но несколько ближе к Тире (по Птоломеему, в 18,9 км от последней, тогда как Неоптолемова башня, по Страбону и пс.-Арриану, лежала на расстоянии 21,31 км от Офиуссы-Тире)⁶⁰. В таком случае можно указать на вероятные остатки Гермонактовой деревни на северо-восточном берегу Будацкого лимана, у его древнего слияния с Днестровским; здесь обнаружены следы поселения IV—II или даже V—I вв. до н. э. — части каменных кладок, обломки амфор и чернолаковых сосудов, фрагменты лепной керамики⁶¹, нам известны и находки в этом месте автономных медных монет Тире⁶². Так как деревня лежала при самом повороте в лиман и была видна с моря, она не ускользнула от внимания составителей древних периплов. Отсюда по прямой до другого подобного поселения, лежавшего в древности на противоположном берегу лимана, у с. Бугаз, около 12 км; Птоломей считает от Гермонактовой деревни до «устья» Тире, помещаемого им, как показано выше, как раз около этого другого поселения, несколько больше (15,09 км), но следует иметь в виду, что расстояние, которое он перечислил в данные о координатах, его источники показывали не напрямик, а соответственно морскому пути.

Город или местечко Никоний должен был находиться на левом берегу лимана, примерно на таком же расстоянии от Неоптолемовой башни, как и Офиусса-Тира; расстояние между последней и Никонием составляло 5,33 км. Этим условиям как нельзя лучше соответствует городище на северной окраине с. Роксоланы: это именно «город» или во всяком случае «местечко», укрепленное и природными условиями, и искусственными сооружениями; от места, где можно предполагать остатки Неоптолемовой башни, до этого городища насчитывается по прямой около 15 км, а с объездом побережья мимо Гермонактовой деревни около 20 км., ширина лимана между Белгород-Днестровским и Роксоланами несколько больше 30 ст. пс.-Арриана, но берег все время размывается. Весьма существенно также, что относительное положение Роксоланского городища и Белгорода-Днестровского вполне соответствует описанию Страбона: согласно точному смыслу слов последнего, для мореплавателя, входящего с моря

⁵⁸ И. Т. Черняков. Археологические разведки 1960 г. в приморской части между-речья Дуная и Днестра. Краткие сообщения ОГАМ за 1960 г., Одесса, 1961, стр. 13, № 4.

⁵⁹ Это предположение было высказано Муральтом (ук. соч., стр. 132), а в дальнейшем нашло многих сторонников (В. Niese. Straboniana. RhM, 42, 1887, стр. 570; Th. Reilach. Mithradates Eupator, König von Pontus, Leipzig, 1895, стр. 64; E. H. Minns. Scythians and Greeks, Cambridge, 1913, стр. 13, 447, 586; F. Gejer. Neoptolemos, RE, XVI, 1935, стб. 2465; Хр. М. Данов. Из древната икономическа история на западното Черноморие. ИБАИ, XII, 1938, стр. 237; Д. Б. Шелов. Тира и Митридат Евпатор. ВДИ, 1962, № 2 стр. 97—98), хотя доказывается одним только совпадением своего названия с именем выдающегося полководца Митридата. Между тем, давно были высказаны и серьезные соображения против предположения Муральта (С. Neumann. Die Hellenen im Scythenlande. Berlin, 1855, стр. 356), а то обстоятельство, что башня Неоптолема впервые упоминалась уже в перипле IV или III в. до н. э. (М. И. Ростовцев. Страбон как источник... Стр. 378; СБ, стр. 72, прим. 1), делает его вовсе невероятным. Однако, не более прочно обоснованным следует считать и другую гипотезу, согласно которой башня обязана своим именем сыну Ахилла, культ которого играл такую большую роль на северном побережье Черного моря (напр., E. Diehl. Tyras. Стб. 1850). Географическая близость к посвященным Ахиллу островам и косе соблазнительны, но в мифах о Неоптолеме-Пирре нет никаких следов его пребывания в северных странах, если не считать того, что Павсаний упоминает его однажды рядом с гиперборейцами (Paus. I, 4, 4; X, 23, 2). Поэтому следует полагать, что Неоптолем, по имени которого была названа башня, так же неизвестен, как и Гермонакт, чьим именем называлась расположенная поблизости деревня.

⁶⁰ П. В. Беккер. Ук. соч., стр. 172 слл.; ср. Ф. А. Браун. Разыскания... стр. 200.

⁶¹ Г. Б. Клейман, К. Г. Ревенко. Археологичні спостереження на західному березі Дністровського лиману. МАСП, II, 1959, стр. 120—121, № 9; И. Т. Черняков. Археологическая разведка берегов Днестровского лимана. ЗОАО, I (34), 1960, стр. 213, № 12.

⁶² Ср. А. Н. Зограф. Монеты Тире. М., 1957, стр. 66, № 11; стр. 69, № 17.

в лиман, встретятся на обоих берегах города, находящиеся примерно в 20 км от поворота западного берега, причем сначала откроется Никоний, а затем Офиусса-Тира, лежащая слева от наблюдателя. В силу этого нет никаких оснований ставить под сомнение определение Беккера и других ученых, отождествивших городище у с. Роксоланы с древним Никонием⁶³. Не следует также опускать из виду, что на берегах лимана нет, за исключением Тир и Никония, таких античных поселений, которые можно было бы с достаточным правом считать городами, даже в древнем значении этого слова.

⁶³ П. В. Беккер. Ук. соч., стр. 174; А. А. Сибирский. Ук. соч., стр. 38; А. С. Уваров. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. Вып. 2, СПб., 1856, стр. 150; Ф. К. Брун. Черноморье. I, стр. 163; Ф. А. Браун. Ук. соч., стр. 204; В. И. Гошкевич. Записка об археологических исследованиях в Херсонской губ. Древности. XXII, I, 1909, стр. 181; И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР, вып. 1, Киев, 1951, стр. 13 и ми. пр.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ НИЖНЕГО ПОДНЕСТРОВЬЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДИЩА У СЕЛА НАДЛИМАНСКОЕ

Г. А. ДЗИС-РАЙКО

Планомерные раскопки городища у с. Надлиманское, на восточном берегу залива Днестровского лимана, носящего название Карагол, впервые были начаты под руководством М. С. Синицына в 1957 г.¹ и продолжены в 1959 г. Автором этих строк полевые работы на городище производились в 1960 и в 1963 гг.²

До сих пор были опубликованы только материалы раскопок 1957 и 1960 гг. Всего за время раскопок в 1957, 1959, 1960 и 1963 гг. было вскрыто 376 м² площади городища на трех участках («А», «Б», «В») и с помощью скрепера прорыта траншея поперек линии оборонительных сооружений длиной 26 м и шириной 3 м (см. план раскопок городища, рис. 1).

Работы проводились в восточной части городища на участке, примыкающем с юго-востока к линии укреплений (1957 г.—раскоп «А»), в юго-восточной части, вблизи линии обрыва оврага (1959—1960 гг.—раскоп «Б») и в северной части, примерно у середины оборонительной линии (1960, 1963 гг.—раскоп «В»).

В основу раскопок памятника для удобства фиксации был положен квадрат размером 4×4 м. Грунт снимался последовательно пластами по 0,15 м.

Городище представляет собой однослойный памятник. Общая мощность культурного слоя в среднем 1,20—1,40 м, местами несколько меньше, в зависимости от рельефа местности. Ямы хозяйственного назначения, вырытые в материке, достигают иногда значительной глубины (до 2 м).

Напластования культурного слоя в различных частях городища неодинаковы, но в общем стратиграфия сводится к следующему.

Верхний гумусированный, слой мощностью 0,10—0,15 м, пронизан корнями травянистых растений и иногда остатками корней винограда, которые, впрочем, встречаются и на большей глубине. Уже этот верхний слой содержит значительное количество остатков материальной жизни городища. На глубине от 0,15 до 0,20—0,30 м проходит слой крупнозернистого чернозема, также содержащего культурные остатки. Оба эти слоя (а может быть, частично и слой, лежащий ниже) нарушены были в прошлом глубокой вспашкой под виноград. Затем от глубины 0,30 до 0,60—0,90 м (иногда до 1,10 м) идет слой сильно оподзоленного черно-

¹ М. С. Синицын. Раскопки Надлиманского и Роксоланского городищ в 1957—1958 гг. ЗОАО, т. I (34), Одесса, 1960, стр. 189—196.

² Г. А. Дзис-Райко. Раскопки Надлиманского городища в 1960 г. Кр. сообщения о полевых археологич. исследованиях ОГУ и ОГАМ, Одесса, 1961, стр. 37—45.